
— **З**аткнитесь и уберите свою пачкотню! — Павел Тимофеевич перевел взгляд с гудящего, словно улей, оркестра на партитуру. — Играем с тридцать четвертой цифры. И попрошу без сюрпризов.

Аля искоса взглянула на сидящую справа Ленку. Лицо у той было бледным, утомленным, но она едва заметно улыбнулась и подмигнула. Репетиция шла без перерыва третий час, и у Али от долгого сидения в постоянном напряжении на самом краешке стула тупо ныл позвоночник. Она вздохнула, пошевелила налитыми тяжестью пальцами, подняла повыше скрипку и услышала шепот Ирки Сухаревской, концертмейстера оркестра:

— Давайте, девочки, посерьезней. Иначе нам перерыва не видать.

Аля презрительно сморщила нос: «Ой, какие мы строгие, боже мой! Можно подумать, от нас, скрипачей, что-нибудь зависит. Киксуют-то духовики». Но вслух, конечно, ничего не сказала, а только послушно кивнула. С Иркой лучше не связываться.

Кретов взмахнул палочкой, и оркестр загредел, дружно и слаженно, как один могучий, совершенный инструмент.

«Классно!» Аля невольно распрямила плечи, чувствуя, как отпускает усталость, а на смену ей приходит ощущение силы и единства, связывающего сейчас все девяносто с лишним оркестрантов. Пожалуй, ради этих минут можно забыть ушаты помоев, которые ежедневно выливает на их головы Кретов, бесконечные повторы, от которых начинает рябить в глазах и устают руки...

— Стоп!!

Аля вздрогнула от неожиданности. А она-то, дура, расчувствовалась!

Кретов в бешенстве швырнул палочку, лицо его постепенно наливалось кровью.

— Флейта! — угрожающе прошипел он. — Что играет флейта? Я спрашиваю вас, Рыбаков!

«Только не это, — с тоской подумала Аля. — Все, что угодно, но не это».

Флейтист Валерка Рыбаков опустил инструмент и молча смотрел на дирижера. Остальные отводили глаза. Все бешено устали, и всем было неловко.

— Сколько можно делать вам замечания? — зло проговорил Кретов. — На чем вы играете? На унитазах?

Кто-то придушенно хихикнул, кто-то кашлянул. Алька почувствовала, как внутри у нее начинает что-то подниматься, вот доходит до ложечки, до груди, до горла. На ее правое плечо легла рука подруги.

— Сидеть! — шепотом скомандовала Ленка.

Эх, Ленка, золото Ленка, понимает все без слов. Знает, что Алька может не выдержать из-за Валерки. Ляпнет что-нибудь — и прощай оркестр, прощайте гастроли, приличная зарплата. А ей еще долги отдавать за купленную в Москве девятиметровую комнату. Она не шевелясь смотрела, как Валерино лицо постепенно теряет краску, словно отмокает в отбеливателе.

— Я, Павел Тимофеевич, играю на флейте. — Голос Рыбакова не предвещал ничего хорошего.

Пальцы Кретова вдруг с силой впились в узел галстука, пытаясь ослабить его, будто дирижеру внезапно перестало хватать воздуха.

«Молчи! — мысленно попросила Валеру Алька. — Просто промолчи, и все будет хорошо. Крет явно не в себе. Не отвечай ему, он успокоится и отпустит нас на перерыв! Только молчи!»

Рыбаков, будто услышав Алькины слова, сдержался и ничего не сказал. Но это не помогло.

— Вон!!! — Кретов заорал с такой силой, что Сухаревская, подтягивающая в это время волос на смычке, выронила его на пол. — Сейчас же вон! Вы у меня больше не работаете. Убирайтесь, ищите, где вас возьмут, Христа ради, с вашими семейными обстоятельствами.

Валера дернулся, словно его ударили, помрачнел еще больше и двинулся на дирижера. Павел Тимофеевич невольно отпрянул, тяжело дыша и шаря по карманам в поисках платка.

— Я, конечно, уйду, — тихо, сквозь зубы, выдавил Рыбаков, — но и вы не сможете вот так бесконечно всех унижать, вам это даром не пройдет!

Багровость схлынула с лица Кретова, оно стало пепельно-серым, руки затряслись, а в глазах застыл дикий страх. Он выглядел так, словно Валерка уже вытащил из кармана нож.

Алька даже опешила от такой странной реакции дирижера на в общем-то расхожие, хоть и неприятные Валерины слова. Рыбаков давно собрал инструмент и вышел из зала, а Павел Тимофеевич все стоял, не замечая устремленных на него взглядов оркестрантов.

— Крет совсем умом тронулся, — тихонько шепнула Алька подруге. Та согласно кивнула.

Кретов наконец вышел из оцепенения, промокнул платком шею, нетвердой рукой поднял палочку.

— Последний раз от тридцать четвертой. — Голос его был хриплым и противно дребезжал.

В воздухе замелькали смычки, демонстрируя готовность оркестра номер один.

Фугу проехали кое-как, явно гораздо хуже, чем в прошлый раз, но Кретов больше не сделал ни одного замечания и тут же, по окончании игры, отпустил оркестр на перерыв. Через пять минут Аля и Ленка уже сидели в буфете, попивая кофе и с на-

слаждением делая глубокие затяжки. За столик к ним подсели альтист Алик Копчевский и контрабасист Слава Зубец.

— Ну что, девчонки, живы? — Алик сочувственно поглядел на уставшую, хмурую Альку. — Я, если честно, таких репетиций со времен Вены не припомню.

— Вены? — рассеянно переспросила Аля. Перед глазами у нее все еще стояло искаженное ужасом, землистое лицо Кретова, как застывшая маска. Это страшное видение мешало Альке включиться в разговор.

— Забыла, как он нас тогда отымел? В хвост и в гриву.

— Да ее не было там, в Вене, — засмеялся Славка. — Она ж год только как пришла.

— Ну да, точно. А мне чего-то кажется, будто ты, Алька, с нами всю жизнь работала.

— Неспроста ему кажется, — подмигнул Зубец. — Вы, кстати, слышали, что здесь в центральном клубе офигенная ночная дискотека по средам?

— После сегодняшнего только на дискотеку, — скептически молвила Лена.

— Ты зря! — не согласился Славка. — Говорят, там бар, программа, и все прочее. Правда, Лен, пошли! — Он дурашливо завалился на столик, пытаясь заглянуть ей в глаза.

В это время в буфет вошел Кретов, и Алька невольно впи-лась в него глазами. Она сидела лицом к двери и хорошо ви-дела, как дирижер подходит к буфетной стойке, берет чашку кофе, неловко несет ее, с трудом удерживая в дрожащих руках, и, озираясь по сторонам, ставит на стол. Репетиция закончи-лась не менее десяти минут назад, но Кретов, казалось, так и не пришел в себя. Движения его были резкими и нервными, спина совсем согнулась. Он сел за столик боком к Альке, вы-тащил из кармана пачку сигарет, долго не мог прикурить, а по-том откинулся на спинку стула, шаря по залу остекленевшим, невидящим взглядом.

«Да что с ним такое? — недоумевала Алька. — Он точно ищет кого-то, или боится... или... то и другое одновременно».

Славка и не думал поднимать со стола свою лохматую голову, и Альку это начинало выводить из себя.

— Уйдешь ты наконец? — сердито спросила она Зубца. — Кофе разольешь!

— Чего это она такая сегодня? — Славка передвинул голову подальше от Алькиной чашки. — Переутомилась?

— Переживает из-за Рыбакова, — ввернул проникательный Копчевский. — Тю-тю теперь наша первая флейта. Да, Аль?

— Отстань, — отмахнулась она, продолжая из-за спин ребят наблюдать за Кретовым.

Павел Тимофеевич в который раз вытер пот с шеи и лба, перевел взгляд на дверь и вдруг вздрогнул всем телом, да так сильно, что Алька от неожиданности подскочила на стуле. Ей стало ужасно любопытно, кого мог увидеть Кретов в коридоре, и она слегка пододвинулась, стараясь заглянуть за дверь. Но оттуда появился только директор Московского муниципального оркестра Виктор Готов. Он спокойно прошел мимо дирижера, вежливо улыбнувшись ему, и направился в другой конец зала.

«Господи, — удивилась Алька, — с Витюшей-то он что не поделил? Готов не Рыбаков, грубить начальству не будет, да он этого просто не умеет. Вечно ходит с приклеенной улыбочкой».

Однако через минуту, после того как Виктор появился в зале, Кретов резко поднялся и, не оглядываясь, вышел, позабыв на столе полупустую пачку сигарет. Алька проводила дирижера глазами и включилась в продолжавшуюся за столиком беседу. Алик, Славка и Ленка обсуждали стычку между Рыбаковым и Кретовым.

— ...Павлуха наш действительно погорячился, — проговорил Копчевский. — Не нужно было на личности переходить, хочешь о деле — давай о деле. Валерик бы и смолчал, может. А Крет его, вишь, семейными обстоятельствами покрывает.

— Вот именно, — тут же согласилась с ним Алька. — Какое он имел право?

О «семейных обстоятельствах» Рыбакова, про которые упомянул Кретов, знал весь оркестр. Полгода назад от Валерки ушла жена Вера, оставив ему и его матери на попечение четырехлетнего сына. Раньше она работала в оркестре вместе с Валерой, слыла первой красавицей и первой же гуленой. Осчастливив всех желающих, Верка оркестр покинула, завязала со своим музыкальным прошлым, занялась каким-то сомнительным бизнесом и вскоре нашла себе немца, став фрау Гнайзек. С тех самых пор с Валеркой творилось неладное: он почернел, помрачнел, стал малоразговорчивым и невероятно грубым, а главное — постепенно утрачивал славу классного флейтиста, киксуя то там, то здесь и частенько заявляясь на репетиции под градусом. В общем, Кретов не так уж был не прав, ополчившись сегодня на Рыбакова, но... Алька не желала этого признавать.

Вот уже год, как она играет в кретовском оркестре, и все это время ее взгляд почему-то настойчиво натывается на Валерку. Напрасно она много раз давала себе слово, что перестанет о нем думать и печалиться. Да что ей за дело? Пока в оркестре работала Верка, Рыбаков разводиться не собирался, стало быть, мечтать Альке было не о чем. Теперь, когда Валеркина жена ушла и он свободен, все могло бы измениться, но... Ничего не меняется. Ей, Альке, Рыбаков не грубит, как остальным, даже улыбается иногда, правда редко. Но, к сожалению, это все. Если зайдет у них разговор, то лишь о работе, да и тут Рыбаков всегда старается вежливо свернуть. А глаза поспешно отводит в сторону...

Алька встряхнулась. Ладно, черт с ним, с этим неприступным Валеркой, лучше она действительно пойдет на дискотеку с Аликом и Славкой, — в конце концов, от жизни нужно брать все лучшее.

В шесть часов девушки наконец дотащились до номера. Обе были как выжатые лимоны. Аля стянула через голову джемпер и, на ходу расстегивая джинсы, отправилась в душ. Включенный на полную мощность, кран сначала зашипел, как змея, затем оглушительно чихнул, и из него полилась тоненькая струйка. Алька сунула под нее руку, и ее передернуло – вода была ледяная.

– Ты чего ворчишь? – Ленка сунулась в ванную и с улыбкой смотрела на раздетую сердитую Альку.

– И как я этой водой голову вымою? – поинтересовалась та. – После сегодняшней фуги у меня все волосы слиплись.

– Так это тебе Владимир, а не Париж. – Ленка постучала по хрипящему крану, повертела блестящие вентили вправо-влево и развела руками. – Что делать, подружка, придется тебе закаляться. Бери пример с меня.

Ленка каждое утро и вечер обливалась холодной водой, чем приводила Альку в трепет – та с детства была мерзлячкой и, наоборот, больше всего любила баню.

Аля вздохнула и полезла в ванну.

– Быстрее давай, – напутствовала ее Ленка, прикрывая дверь. – А то мне не успеть.

Ежась и чертыхаясь, Алька встала под обжигающе холодную тощую струйку и намылила голову шампунем. Постепенно кожа привыкала, и стало даже приятно. Аля вздохнула полной грудью, предвкушая приятный вечер и отдых. Возможно, после бара она даже зайдет к Алику Копчевскому.

За дверью послышался неясный шум, приглушенные голоса, потом Ленкин бархатистый смех. «Кого там принесло?» – удивилась Аля и тут же различила веселое Славкино ржание. Она поспешно выкарабкалась из ванны, закуталась в махровый халат и, встряхивая мокрыми волосами, распахнула дверь.

— Дискотеку отменили, — сообщил Зубец, стоящий в коридорчике. На нем были майка и синие спортивные штаны, мокрые волосы стояли смешным ежиком, очевидно, он тоже только что принял ледяной душ.

— Жаль, — огорчилась Аля. Она уже настроилась на танцульки, громкую музыку, веселье. — Может, есть еще куда сходить?

— Сходим ко мне, — подмигнул Славка. — Я вспомнил, у меня сегодня день рождения.

— Пошел в баню! — Алька шлепнула парня полотенцем. — Мы твой день рождения в Минске справляли, еще в январе. У тебя он что, каждые два месяца?

— Ну ладно, не у меня, — покладисто согласился Славка. — Тогда, может, у Алика?

— Да придем мы, придем, — успокоила его Ленка. — Топай давай. Здесь внизу буфет хороший, сгоняйте, купите чего-нибудь, а у меня есть «Киндзмараули».

— Идет! — Зубец в момент испарился.

Ленка щелкнула заколкой, освободив длинные, светлые волосы, тут же рассыпавшиеся по спине, и отправилась мыться.

Алька свирепо растерла голову полотенцем. Какая, собственно, разница, куда идти, главное — не остаться один на один с собой, с собственными мыслями. Она скинула халат, подумав, натянула короткую кожаную юбку, красный тонкий джемпер и окинула себя цепким взглядом в кривовато висевшем на стене зеркале. Сойдет, очень даже сойдет. Волосы подсыхали, сворачиваясь в тугие трубочки. Аля забросила их назад, сунула ноги в тапочки и выглянула из номера.

Коридор был пуст. Оркестранты занимали два этажа целиком и сейчас, измученные тяжелой репетицией, восстанавливали силы, сидя по комнатам. Все оживет позже, к самому вечеру, когда народ, жаждущий расслабиться, заснует по коридору из номера в номер. Аля неторопливо прошла по мягкой ков-

ровой дорожке, в которой приятно утопали тапки. Из-за двери Алика и Славки слышалась музыка и взрывы хохота. Алька уже взялась за ручку, но вдруг отпустила ее, двинулась дальше, до самого конца коридора, и остановилась перед Валеркиным номером. Она постояла минуты три, а потом решительно постучала.

— Входите, — раздался из-за двери голос Сережи Гурко, делившего комнату с Рыбаковым.

Внутри царил полумрак, светило лишь одно прикроватное бра. Валера и Сергей сидели на кроватях, между ними на столике стояла бутылка «Столичной», два стакана, лежала крупно и криво нарезанная сырокопченая колбаса на салфетке.

— О! — обрадовался Але Гурко. — Садись, третьей будешь.

Рыбаков покосился на гостью и ничего не сказал. Она поддвинула стул и села, закинув ногу на ногу. Короткая юбка задралась, обнажив стройные ноги. Гурко достал из тумбочки стакан, плеснул в него и протянул девушке:

— Пей.

Алька залпом выпила водку. В голове слегка зашумело, но мысли остались четкими и ясными. Убрать бы отсюда этого Гурко, так он сейчас здесь некстати!

— Классно пьешь! — восхитился Сергей и легонько потянул Альку к себе на кровать. — Молодец, что пришла.

— Пусти! — рассердилась она. — Не суй свои лапы, куда не просят. И вообще, вышел бы ты, нам поговорить нужно.

Гурко в изумлении отвалил челюсть:

— Ты меня че, из собственного номера гонишь?

— Да, — нахально подтвердила Алька.

— Слышь, Рыбак! Мне че, правда уйти?

— Катись, — кивнул Валера.

— Ой, е-мое. — Сергей поднялся, запихнул в рот кусок колбасы и хлопнул дверью.

— Отдохнула немного? Сережка сказал, Крет вас еще полчаса после перерыва мурыжил, — произнес Валерка.

— Да. Тебе, можно сказать, повезло.
— Здорово повезло, — насмешливо согласился Рыбаков. —
Лучше не бывает.

— И что теперь? — Алька взглянула на Валерку в упор, чуть
прищурившись. — Уйдешь?

— Уйду, конечно, куда ж я денусь?

— Ясно. — Алька задумчиво качнула головой, немного по-
молчала, потом резко поднялась со стула и язвительно про-
говорила: — Ну что ж. Молодец! Все делаешь правильно!

Валерка, не ожидавший такого тона, удивленно уставился
на Альку.

— Ты чего? — пробормотал он. — Можно подумать, у меня
есть выбор.

— А что, нет? — Алька щелкнула выключателем. Вспыхнула
люстра, осветив бледное и угрюмое Валеркино лицо. — Или
у тебя мозги ни на что больше не работают, кроме как сидеть
в этой темноте и водку глушить?

— Ну хорошо. — Рыбаков тоже поднялся и стоял теперь рядом
с Алькой, глядя на нее с ожиданием. — Ты-то что предлагаешь?

— Я? Пойти к Крету, извиниться. Тем более есть за что,
не будем кривить душой. Ну и... остаться в оркестре. Почему
из-за какой-то ерунды, минутной стычки, ты должен терять
хорошую работу, а мы — сильного флейтиста?

По лицу Валерки пробежала тень, оно мгновенно стало
замкнутым и отчужденным.

— Много чести Крету извиняться перед ним! — отрезал он.

«Какой ты у нас гордый! — разозлилась про себя Алька. —
Думаешь, один ты такой, остальным можно унижаться, а тебе
нет!» Она тут же вспомнила, как Васыка Чегодаев, инспектор
Московского муниципального, недвусмысленно намекнул ей
в первый же рабочий день, что неплохо бы им поладить, а не
то ее, скрипачку без стажа работы в оркестре, ждут большие
неприятности. И пришлось Альке запихнуть свою гордость

в карман, иначе турнули бы в два счета по Васькиной указке... А тут всего-навсего пойти прощения попросить!

— Перестань, — устало проговорила она. — Кретов старый больной человек, неврастеник, если хочешь! Ты же знаешь, он на каждого может собак спустить, что же, всякому, кто удостоился его брани, уходить из оркестра? Тогда бы он давно пустыми стульями дирижировал.

Валерка усмехнулся.

— Вот видишь. — Алька вернулась к столу и села. — Самому смешно. Ведь у тебя семья, тебе ребенка кормить надо, а работа в таком оркестре на дороге не валяется. Ты никогда не интересовался, сколько получают музыканты в других? Нет? А напрасно. Знаешь, сколько раз в год там бывают гастроли? Думаешь, каждые два месяца, как у нас?

— Да знаю я, знаю, — мрачно согласился Валерка. — Еще не факт, что можно будет в другое место устроиться после такого увольнения. Захотят справки навести, позвонят Чегодаеву, а уж он-то все про меня выложит, не поленился... — Он вздохнул и подошел поближе.

— Вот именно, уж он-то точно не поленился! — убежденно подтвердила Алька, представив, как обрадуется Васька возможности наклепать на Рыбакова, которого он терпеть не мог, и добавила мягче: — А Крет сейчас наверняка отдохнул, расслабился. Может, жалеет даже, что так все вышло!

— Да, пожалееет он, как же! Но вообще-то ты все правильно говоришь.

— Ну так и иди, раз правильно.

— Ладно, уговорила. Сейчас в порядок себя приведу и пойду. — Валерка помолчал, раздумывая, затем слегка дотронулся до ее плеча. — Спасибо, что зашла.

— Не за что. — Алька почувствовала, как тепло и хорошо ей стало от этого благодарного жеста. Она подняла на Валерку глаза. На мгновение ей показалось, что он хочет сказать ей